

Фольклористика
Folklore Studies

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00038

С.Ю. Неклюдов (Москва)

**ВЛАДИМИР ПРОПП: ОТ «МОРФОЛОГИИ» К «ИСТОРИИ»
(К 75-ЛЕТИЮ ОПУБЛИКОВАНИЯ «ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЕЙ
ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ»)***

Аннотация. «Морфология сказки» (1928) и «Исторические корни волшебной сказки» (1946) задумывались В.Я. Проппом как диалогия, причем сквозным сюжетом этих разысканий было описание структуры («морфологии») явления с целью исследования его генезиса («истории»). Автор изначально определил установки и контуры своего исследовательского проекта, в котором ни отдельно взятая сказка, ни отдельно взятый сюжет не являются предметом изучения, все это – лишь материал для дальнейшего анализа. Его «морфологическая формула» – не продукт реконструкции «праформы» или «прототекста», а результат конструирования модели, которая не может иметь реальных воплощений в историческом прошлом, но способна объяснить потенциальное многообразие форм традиции, порождаемых процессом эволюционной морфологии, аналогичным биологической эволюции. В «Исторических корнях» – параллельно опорным элементам данной модели и через широкий этнографический комментарий – выстраивается ритуально-мифологическая структура, представляющая парадигматический аспект той же модели. В синтагматической («морфологической») модели структурные элементы повествования (функции) соединяются «по смежности» – как ненарушаемая «горизонтальная» последовательность, а в «Исторических корнях» каждая функция (конечно, в идеале) обретает эквивалент в архаической ритуальной традиции. Отношения элементов повествовательных и обрядовых (как и обеих моделей – нарративной и ритуальной) заслуживают названия «парадигматических». Рассмотрению разных ракурсов соотношения «морфологического» и «исторического» в концепции В.Я. Проппа и посвящена статья.

Ключевые слова: Пропп; сказка; миф; ритуал; инициация; функция; морфология; структура; синтагматика; парадигматика.

* Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Мифо-ритуальные и дискурсивные практики в контексте живых традиций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

S. Yu. Neklyudov (Moscow)

**Vladimir Propp: from “Morphology” to “History”
(in Honor of the 75th Anniversary of the First Edition of
the “Historical Roots of the Wondertale”)****

Abstract. V. Ya. Propp conceived the following two of his major works – “Morphology of the Folktale” (1928) and “Historical Roots of the Wondertale” (1946) – as a diology, its underlying principle was to describe the structure (“morphology”) of the phenomenon in order to study its genesis (“history”). As the author initially defined the outlines of his research project, neither a single tale, nor a single plot were supposed to be the subject of study, all of them should have been used as material for further analysis. His “morphological formula” was not a product of the reconstruction of “proto-form” or “prototext”. Instead, he constructed a model that may or may not have actual historical incarnations, but it helped to explain the potential diversity of traditions generated by the process of evolutionary morphology, analogous to biological evolution. “Historical Roots” not only provides the supporting elements of this model as well as a broad ethnographic commentary. It also builds up a ritual and mythological structure, representing the paradigmatic aspect of the same model. In the syntagmatic (“morphological”) mode, the structural elements of the narrative (functions) are connected “in contiguity” – as an inviolable “horizontal” sequence. In “Historical Roots”, each of these functions (in theory) acquires an equivalent in the archaic ritual tradition. The relation between the narrative elements and the ritual ones (as well as between the actual patterns) deserves to be called “paradigmatic”. This article considers different perspectives of the correlation of “morphological” and “historical” in V. Ya. Propp’s conceptualization of the folktale.

Key words: Propp; folktale; myth; ritual; initiation; function; morphology; structure; syntagmatics; paradigmatics.

Семьдесят пять лет назад в издательстве Ленинградского государственного университета вышла монография Владимира Яковлевича Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (1946). Она гораздо менее известна, чем «Морфология сказки» (1928) с ее мировой славой, случившейся, правда, только четверть века спустя после первой публикации книги. «Исторические корни волшебной сказки» так и остались в тени своей знаменитой предшественницы, на что были разные причины – и внешние, исторические, и более глубокие, методологические, к которым мы еще вернемся. «Морфология сказки» явилась провозвестницей и в значительной степени – основой структурной методологии в гуманитарных исследованиях, тогда как отношение к «Историческим корням волшебной сказки» сформировалось исключительно в русле интерпретации этого труда как вольной или невольной дани эволюционизму, уже скомпрометированному в глазах мировой научной общественности, но господствующему в СССР

** The work was carried out within the framework of the RSUH project “Mytho-ritual and discursive practices in the context of living traditions” (competition “RSUH Project Research Teams”).

(в догматизированной редакции Моргана – Энгельса).

Это не вполне справедливо, причем по двум причинам. Первая – историческая. Не следует считать, что Пропп 1930-х и тем более 1940-х гг. – это просто один из представителей европейской науки той эпохи, свободно живущий в ее интеллектуальном климате. Время в СССР имело другую скорость, международные академические связи советской действительности данного периода были практически прерваны, контексты гуманитарного знания до предела искажены, а давление официальной идеологии обрело немислимую силу и стало всепроникающим. В этих условиях каждое пробившееся к читателю честное и добросовестное исследование, даже не столь значительное, следует считать научным подвигом. Очень мало достойных работ осталось от того времени.

Другая причина имеет принципиальный, сущностный характер. «Исторические корни волшебной сказки» – это не просто еще одна монография великого создателя «Морфологии сказки», а вторая часть диалогии, необходимая для подлинного понимания исходного авторского замысла, который может быть оценен во всей своей полноте только после знакомства с данной книгой. Именно в этом Пропп (начиная с его знаменитого «ответа Леви-Стросу», 1966) пытался убедить читателей, в чем, пожалуй, не слишком преуспел. Хотелось бы, однако, надеяться, что адекватная оценка этих его идей еще впереди.

Желанием вернуться к обсуждению данной проблематики продиктована предлагаемая здесь статья.

1

Владимир Яковлевич Пропп (1895–1970) родился в Санкт-Петербурге в семье зажиточных немецких крестьян-колонистов, перебравшихся из Поволжья в столицу Российской империи. Он окончил Аннинское училище (1913), одно из «иноверческих» лютеранских петербургских училищ, образованное еще в XVIII в. при храме Св. Анны, и историко-филологический факультет Петербургского университета – по разряду славяно-русской филологии (1918), затем работал школьным учителем, преподавал немецкий язык в средних и высших ленинградских учебных заведениях.

Начав заниматься исследованиями в области фольклористики, В.Я. Пропп в 1920–1930-е гг. сотрудничал с разными научными учреждениями Ленинграда: со Сказочной комиссией Отделения этнографии Русского географического общества (существовала в 1896–1908, 1911–1915, 1921–1928 гг.), с Институтом сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. А.Н. Веселовского при Петроградском / Ленинградском университете (= НИИ сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока, = Гос. институт речевой культуры, = НИИ речевой культуры; 1921–1933 гг.), с Государственным Институтом истории искусств, в котором Отделение истории словесных искусств (включавшее секцию фольклора) возглавлял В.М. Жирмунский, а работали в ней Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Б.В. Томашевский, В.Б. Шкловский, В.М. Алексеев, М.Л. Гофман, Н.С. Гумилев. Сотрудничал он также с Институтом рус-

ской литературы и Институтом этнографии Академии наук СССР, однако большая часть его жизни связана с филологическим факультетом Ленинградского университета, в котором он проработал – с небольшим перерывом – с 1932 по 1969 г., в 1938 г. став профессором кафедры фольклора, а в 1939 г. защитив докторскую диссертацию [Мартынова 2006; Иванова 2009, 293–295; Комелина 2015, 201–202].

Исследования В.Я. Проппа стали появляться в печати со второй половины 1920-х гг. [Пропп 1927, 48–49]. Если не считать четырех учебников немецкого языка, им было издано четыре монографии: «Морфология сказки» (1928), «Исторические корни волшебной сказки» (1946), «Русский героический эпос» (1955), «Русские аграрные праздники» (1963). Еще две увидели свет после его кончины: «Проблемы комизма и смеха» (1976) и «Русская сказка» (1984). Кроме того, В.Я. Пропп написал примерно три десятка статей (за вычетом довольно многочисленных рецензий на научные труды, тезисов докладов и пр.), подготовил к печати несколько фундаментальных собраний русских фольклорных текстов [Уорнер 2005; Чистов 1981, 52–64; Liberman 1984, IX–XXXI; Путилов 1995, 145–156].

Ряд работ В.Я. Проппа переводился за рубежом, особенно это касается всемирно известной «Морфологии сказки», которая переведена, видимо, на все языки, на которых только существует научная литература по фольклористике. Книга, обретшая второе рождение в контексте структурно-семиотических исследований середины XX в., оказала огромное влияние на современное состояние нарратологии, на теорию построения повествовательных текстов, причем не только фольклорных, и на более широкий круг структурно-семиотических исследований; начиная с 1960-х гг. ее присутствие все более ощущается в мировой науке (работы К. Леви-Строса, А. Греймаса, К. Бремона, А. Дандеса, П. Маранды и др. [Уорнер 2005, 15–20; Nathorst 1969; Дандес 2003, 14–29; Маранда, Кёнгас-Маранда 1985, 194–260; Fischer 1963, 235–296; Hendricks 1970, 83–121; Lüthi 1973, 290–293]).

Именно в 1960-е гг., когда один за другим издавались переводы «Морфологии сказки» на иностранные языки (английский, итальянский, польский и др.), появилась, наконец, возможность переиздать знаменитую книгу и на ее родине. История этой публикации, осуществленной в рамках востоковедческой серии, по-своему примечательна; автор данной статьи, работавший тогда в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука», был непосредственным наблюдателем и участником описываемых событий, а также редактором этого нового издания «Морфологии сказки» [Неклюдов 2000, 14–23].

Весной 1967 г. на заседании Ученого совета Института народов Азии АН СССР один из его членов, монголовед Г.Д. Санжеев, вспомнил о «Морфологии сказки» и сказал, что эту книгу давно пора переиздать. Предложение, внесенное в протокол заседания, обрело что-то вроде официального статуса, чем и постаралась воспользоваться находящаяся при этом институте упомянутая редакция восточной литературы,

однако для его практической реализации нужна была книжная серия, в которой подобная публикация была бы уместна. Серии, пригодной для «Морфологии сказки», в востоковедческом издательстве, естественно, не существовало, и это побудило нас задуматься о создании новой серии.

В Советском Союзе любая инициатива требовала утверждения начальства, что было трудной и не гарантировавшей успеха бюрократической процедурой. К счастью, утверждению подлежала не сама серия, а ее редколлегия, подходящая же редколлегия, в издательстве нашлась – она курировала серию «Сказки и мифы народов Востока», посвященную научным публикациям переводов восточного повествовательного фольклора. Это позволило без дополнительных хлопот учредить новую серию (с той же редколлгией) – «Исследования по фольклору и мифологии Востока» (так называемая «черепашка» – по логотипу на ее обложке), в которой, согласно замыслу, восточный фольклор включался в круг широких типологических сопоставлений, а его изучение опиралось на достижения современной теоретической фольклористики. Эта серия существует уже более полувека и включает свыше пятидесяти томов – как оригинальные отечественные исследования, так и переводы трудов крупнейших зарубежных ученых. Открыла серию «Морфология сказки» [Пропп 1969].

Остается добавить, что переиздание книги через сорок лет после ее первого выхода в свет не было простым воспроизведением – В.Я. Пропп заново подготовил рукопись, внося в нее некоторые исправления (не имевшие, впрочем, принципиального характера); таким образом, изданный в 1969 г. текст представляет собой последнюю авторскую редакцию этого труда.

Среди примечательных корректив – значимое изменение в предисловии: «и с т о р и ч е с к о е изучение сказки» [Пропп 1969, 8]) вместо «изучение сказки к а к м и ф а» [Пропп 1928 а, 7], что, по-видимому, должно было подчеркнуть преемственную связь «Морфологии» с «Историческими корнями», а также замена термина «вредитель» термином «антагонист» (по всей книге). Последнее, вероятно, связано с изменениями советской политической риторики – от исходного сельскохозяйственного дискурса (преимущественно о вредных насекомых) через метафорическое уподобление этим насекомым «вредителей советской сельской общественности» (с 1925 г.) к образу злейшего идеологического врага (с 1928 г.) [Орлова 2003, 309–313, 325]. Похоже, что концепция «вредителя» у Проппа первоначально прямо обусловлена этим дискурсом:

Газета «Правда» (1928): «Враги пробираются во все наши организации. Они овладевают нашим доверием и зло морочат нас («Правда», 6.07.28).

«Они притворяются нашими преданными друзьями и потому опаснее открытых врагов» («Правда», 6.07.28), «слишком уж много у этого человека разных масок, и каждую он умеет довольно прилично и естественно носить» («Правда», 24.05.28).

«**Морфология сказки**» (1928): «Его [вредителя] роль – нарушить покой счастливого семейства, вызвать какую-либо беду, нанести вред, ущерб. <...>

Он пришел, подкрался, прилетел и пр. и начинает действовать. <...> Вредитель пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом. Прежде всего вредитель принимает чужой облик» («Морфология», с. 37–38).

Как раз после 1928 г. термин принимает особенно широкий и угрожающий характер; понятно, что впоследствии автор старается избавиться от него.

2

Сказковедческие проблемы занимают в научном творчестве В.Я. Проппа центральное место. Как уже упоминалось, первой его работой была «Морфология сказки» [Пропп 1928 а], сказке посвящены три из шести его монографий и значительная часть статей. Почти исключительно изучением сказки занимался он на протяжении первых двадцати лет своей исследовательской деятельности, т.е. до выхода в свет «Исторических корней волшебной сказки» (1946), однако и впоследствии В.Я. Пропп неоднократно возвращался к данному жанру: при подготовке к изданию сказок А.Н. Афанасьева [Афанасьев 1957–1958], при анализе кумулятивной сказки (1967) [Пропп 1976 с, 241–257; Пропп 1998, 251–268], при чтении в ЛГУ спецкурса, легшего в основу посмертно изданной книги «Русская сказка» [Пропп 1984].

Дело, однако, не в количественном преобладании сказковедческих работ в наследии ученого, а в том, что одно из крупнейших открытий в филологической науке XX в. было сделано им именно в области сказковедения. Концептуальная глубина «Морфологии сказки» оказалась столь значительной, книга настолько опередила свое время, что лишь спустя три десятилетия в гуманитарном знании созрели условия для ее адекватного понимания и новых интерпретаций, в том числе – ранее не предусмотренных автором.

Уместно напомнить, что поначалу книга имела заголовок «Морфология волшебной сказки» [Пропп 1976 а, 136], а предварительное сообщение о результатах исследования именовалось еще точнее: «Морфология русской волшебной сказки (~ русской народной фантастической сказки)» [Пропп 1927, 48–49; ср.: Комелина 2015, 204, 211]. Однако уже тогда, вероятно, у автора возникло ощущение, что итог работы много превышает первоначальный замысел, в результате чего родилось окончательное название – обобщенное и лаконичное. Когда в 1968 г. я предложил Владимиру Яковлевичу вернуть книге ее «исконное» (и более точное) название, он отказался, заметив, что работа уже вошла в научный обиход как «Морфология сказки» и ее переименование может вызвать ошибочное представление, что речь идет о какой-то другой работе. Отказался он (по-моему, зря) и переиздать в той же книге тематически близкую статью «Трансформация волшебных сказок» [Пропп 1928 б].

Далее «формула Проппа», оказавшаяся чрезвычайно универсальной и жизнеспособной, вышла из-под контроля создателя. Она продолжает «работать» по сей день, причем самым непредумышленным образом. Американская писательница и сценаристка голливудских фильмов Виктория Нельсон говорила по этому поводу следующее: «У нас в Голливуде есть популярная и безотказно спасительная формула – “Do it with Propp!” <...> Когда нужно в одной фразе изложить суть будущего фильма, особенно в случае хитрого комбинирования, например, двух сюжетов, опытные мастера-сценаристы советуют: “Follow Propp!” Выведенные им законы построения сказки работают и в кинематографии. Его книга “Морфология сказки” – второе американское издание 1968 г. – перепечатывалась в США уже не менее 20 раз. Все сценаристы ее имеют. Это их рабочая Библия...» [Земцовский 2015, 70–71]. Имя Проппа занимает прочное место в американской энциклопедии кино, в учебниках по созданию и анализу фильмов, в киноведческих статьях, демонстрирующих «морфологический анализ» в духе Проппа, и т.д. [Земцовский 2015, 71; Fell 1977, 20–22; Bordwell 1988, 5–20; Harriss 2008, 43–59; Lesinskis 2010]. По словам Джанни Родари, если «сравнить приведенный перечень <функций Проппа> с сюжетом любого приключенческого фильма, удивительно, как много обнаружится совпадений и как будет почти в точности соблюден тот же порядок <...> Той же канвы придерживаются и многие приключенческие книги. <...> Нас эти функции интересуют потому, что на их основе мы можем строить бесконечное множество рассказов, подобно тому как можно сочинять сколько угодно мелодий, располагая всего-навсего двенадцатью нотами» [Родари 1990, 37]. Кстати, итальянский композитор-экспериментатор Лучано Беррио выступал с лекцией на тему «Владимир Пропп и анализ оперы», а также сочинил оперу на собственное либретто, задуманное и сделанное исключительно по Проппу, в духе его «Морфологии» [Земцовский 2015, 70; Nelson 2006, 11–13].

Надо заметить, что сам автор неоднократно возражал против слишком уж расширительного толкования своего открытия и впоследствии был склонен даже вообще отказаться от термина «морфология», заменив его на термин «композиция» [Пропп 1976 а, 141], а в его последней книге «Русская сказка» выражение «морфология сказки» практически не употребляется; здесь, правда, возникает ощущение, что иногда Владимир Яковлевич слушал своих критиков с излишним вниманием.

3

Сквозной сюжет сказковедческих разысканий В.Я. Проппа – описание структуры явления с целью исследования его генезиса («прежде, чем ответить на вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой представляет» [Пропп 1969, 10–11]). Парадоксальным образом результат этого «подготовительного» этапа анализа настолько превысил результат «основного» этапа, что с «Морфологией сказки» оказались несопоставимы другие работы В.Я. Проппа, сколь бы ярки и талантливы

они ни были; более того, они еще и рекурсивно освещались отраженным светом «Морфологии сказки». Впрочем, по отношению к его сказковедческим трудам это совершенно справедливо, ибо они вполне реально представляют собой именно цикл исследований – от «Морфологии сказки» и «Трансформации волшебных сказок» через анализ отдельных сказочных сюжетов, тем и мотивов до «Исторических корней волшебной сказки».

Как и многие открытия, идея «Морфологии», по признанию самого В.Я. Проппа, появилась неожиданно. Автор объяснял ее рождение как эвристическое: она возникла из довольно случайного наблюдения «на свежий глаз», когда после окончания Петроградского университета В.Я. Пропп для восполнения образования стал читать собрание русских сказок Афанасьева [Пропп 1976 а, 135–136]. Критический пересмотр предшествующей сказковедческой традиции в первой главе «Морфологии», возможно, делался уже задним числом, чтобы согласовать проведенное исследование с более широким контекстом мировой фольклористики. Но исходные филологические концепции у автора, конечно, были. Основное значение для него имели труды А.Н. Веселовского по поэтике [Веселовский 1913], который, кстати, первым – еще в 1884 г.! – употребил само выражение: «морфология сказки»:

Было бы интересно сделать морфологию сказки и проследить ее развитие от простейших сказочных моментов до их наиболее сложной комбинации. Тогда бы мы узнали, что чем древнее сказка, тем проще ее схема, и чем новее, тем более она осложняется» [Веселовский 1940, 455; разрядка моя. – С.Н.]

Можно сказать, что В.Я. Пропп решил эту задачу.

Надо добавить, что термин *морфология* в значении «композиция» является в 1920-е гг. вполне используемым – вспомним работы М.А. Петровского «Морфология пушкинского “Выстрела”» и «Морфология новеллы» [Петровский 1925, 171–204; Петровский 1927, 69–100], но главным образом – статью А.И. Никифорова «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки» [Никифоров 1928, 172–178], в полном смысле слова параллельную пропповскому исследованию [Костюхин 1999]. Б.М. Эйхенбаум вообще предложил «формальный» метод называть «морфологическим», считая при этом, что «в области изучения фольклора и общей сюжетологии морфологический метод уже достаточно укреплен» [Эйхенбаум 1922, 8]. Я не очень понимаю, что он имел в виду – на тот момент (1922 г.) работы Никифорова и Проппа еще не далеко были завершены.

Определенное влияние оказала на В.Я. Проппа также книга В.Б. Шкловского «О теории прозы» [Шкловский 1929], хотя сама идея «морфологии» не была непосредственно связана со взглядами формалистов на литературное произведение как на систему приемов [Шкловский 1917, 3–14] (что едва ли результативно при изучении фольклора) и восходит совсем к другим философским и методологическим основам. Сам В.Я. Пропп в поздние годы высказывался о формализме скорее негативно, против-

поставляя ему – в положительном смысле – концепции структурализма [Пропп 1976 а, 132–133; Пропп 1995, 11–17]. Он подчеркивал, что термин «морфология» у него не имеет отношения к грамматике – он содержит более широкий онтологический смысл и соответствует концепциям Гёте, который применял его к ботанике и остеологии (в данном случае – согласно записям И.П. Эккермана [Eckermann 1836]); уместно напомнить, что еще в студенческие годы В.Я. Пропп посещал кружок молодых петербургских филологов, объединенных интересом к эстетике и поэтике романтизма, к философии художественного творчества (В.М. Жирмунский, как раз занимавшийся тогда немецким романтизмом, Б.М. Эйхенбаум, Ю.А. Никольский, Е.Р. Малкина, поэт В.А. Рождественский).

Именно данным обстоятельством объясняется досада исследователя по поводу снятых в английском переводе «Морфологии сказки» эпитафий из Гёте [Пропп 1976 а, 134]. Они имели отнюдь не орнаментальный характер, но должны были выразить основную мысль книги, «смутно вырисовывавшуюся» автору уже при ее создании: «Область природы и область человеческого творчества не разъединены. Есть нечто, что объединяет их, есть какие-то общие для них законы, которые могут быть изучены сходными методами» [Пропп 1976 а, 134].

В статье «Трансформация волшебных сказок», вышедшей почти одновременно с «Морфологией сказки», он по этому поводу писал:

Изучение сказки во многих отношениях может быть сопоставлено с изучением органических образований в природе... Как здесь, так и там возможны две точки зрения: или внутреннее сходство двух внешне не связанных и не связуемых явлений не возводится к общему генетическому корню – теория самостоятельного зарождения видов, или это морфологическое сходство есть результат известной генетической связи – теория происхождения путем метаморфоз и трансформаций, возводимых к тем или иным причинам [Пропп 1976 б, 153].

Подобными соображениями продиктована и сочувственная оценка (в применении к фольклорному материалу) «палеонтологического» метода Н.Я. Марра [Sorlin 1990, 275–284], который «рассматривает возможности реконструкции древних культур по данным языков. <...> Объектом исследования лингвистической палеонтологии культуры является не праязык, а протокультура (в широком антропологическом смысле) носителей этого языка; реконструируется не столько сам язык, сколько внеязыковой мир, отражаемый в рассматриваемых языковых данных» [Петренко, Штайн 2017, 552–562]. В.Я. Пропп увидел тут оборотную сторону стадиально-исторического анализа (каковой он считал одним из главных достижений советской фольклористики [Пропп 1984, 161–170]), а принцип стадиального развития был для него аналогичен закону биологической эволюции: «Вопрос о “происхождении видов”, поставленный Дарвиным, может быть поставлен и в нашей области» [Пропп 1976 б, 153; ср.: Комелина 2015, 210].

Едва ли здесь корректны упреки в редуционизме и чрезмерном увлечении «стадиально-эволюционными» схемами. Концептуальная база исследований В.Я. Проппа сложилась в русле тех идей, согласно которым историческое бытие традиции является неперменным аспектом ее изучения, а сам исторический процесс понимался существенно иначе, чем сегодня. Кроме того, в орбите научного анализа прежде всего оказывались цельные, самодостаточные формы культуры в их структурной определенности, а не принципиально «открытые» тексты и «промежуточные» зоны в семантическом поле традиции, интерес к которым столь возрос в результате постструктуралистского эпистемологического поворота. В эпоху создания «Морфологии сказки» наука стремилась к ясности и находила ее; В.Я. Пропп, любивший, по собственному признанию, все классифицировать и систематизировать [Мартынова 1995, 22], был идеальным выразителем подобного ясномыслия; ср. воспоминание современницы об уроках русской литературы, проводимых молодым учителем Проппом «с такой логической ясностью, какой, пожалуй, не удавалось услышать даже на уроках математики» [Сильман, Адмони 1993, 94]. Используемый Проппом аналитический инструментарий выверен и строг, а результаты – убедительны в своей прозрачности и упорядоченности. Именно это, в сочетании с огромным талантом, позволило ученому сыграть в науке ту роль, которая была ему уготована.

Следует повторить еще раз: хотя В.Я. Пропп – всемирно признанный основоположник структурной фольклористики, которому принадлежит один из первых опытов разработки и применения структурных методов в гуманитарных науках, но все это относится к нему лишь как к автору «Морфологии сказки». Для самого автора данный труд входил в более широкий стадиально-типологический проект, который был им завершен к середине 1940-х гг., когда увидела свет книга «Исторические корни волшебной сказки».

4

Рукопись «Морфологии сказки», представленная в издательство «Academia» (при Государственном институте истории искусств) по инициативе В.М. Жирмунского, редактора серии «Вопросы поэтики», включала еще одну, завершающую главу. В ней намечались исторические, точнее – историко-генетические перспективы проделанного анализа и обосновывался проект дальнейшего стадиально-типологического исследования – его результаты впоследствии получили воплощение в книге «Исторические корни волшебной сказки». Однако тогда В.М. Жирмунский счел эту главу еще не вполне готовой и рекомендовал автору доработать ее, а пока убрать из книги, что и было сделано [Мелетинский 1969, 134; Чистов 1981, 59]; через много лет В.М. Жирмунский полусуто говорил, что это он сделал из Проппа «формалиста». Данное сокращение придало «Морфологии сказки» бóльшую цельность и завершенность, но отделило ее от изначально планировавшегося продолжения (когда в 1968 г.

готовилось переиздание «Морфологии сказки», я предложил Владимиру Яковлевичу вернуть эту снятую главу – хотя бы в качестве приложения, но он отказался, сославшись на то, что текст ее не сохранился). Напомню: по авторскому замыслу, обе книги задумывались как дилогия, причем «Морфологии» отводилась скорее «подготовительная» роль, тогда как следующая монография должна была стать основной и завершающей. Время, впрочем, как мы знаем, распорядилось иначе.

Опубликовав «Морфологию...», В.Я. Пропп приступил к очередному этапу своего проекта – к установлению широких этнографических соответствий отдельным темам и мотивам волшебной сказки. Согласно концепции, которой в данном случае придерживался автор, подобный сопоставительный анализ позволял установить ритуально-мифологический субстрат их семантики, а через это – способствовать выявлению их генезиса. Подобную направленность имеют статьи, публикуемые им в период 1934–1941 г. (и некоторые более поздние) [Пропп 1934, 128–151; 1939 а, 174–198; 1939 б, 151–175; 1941, 67–97; 1944, 138–175; см.: Иванова 2009, 295–296, 603–605], а почти через десять лет после издания «Морфологии» В.Я. Пропп завершил, наконец, и первую редакцию монографии «Исторические корни волшебной сказки». Она была защищена в качестве докторской диссертации (1939), однако опубликованию помешала начавшаяся война [Чистов 1981, 59; Иванова 2009, 605]. Книга, доработанная автором за эти годы, была издана только в 1946 г.

Эпистемологическая база проведенного исследования – так называемая ритуалистическая теория [Human 1955, 462–472; Bascom 1957, 103–114], согласно которой (по очень упрощенному изложению) мифологический нарратив возникает как комментарий к обряду, отделяется от ритуала после распада синкретической мифо-ритуальной системы и превращается в сказку или в другой фольклорный жанр вследствие десакрализации своих повествовательных воплощений.

В «Исторических корнях волшебной сказки» В.Я. Пропп выступает продолжателем Пьера Сентива (Эмиля Нурри), предположившего, что сюжет волшебной сказки восходит к обряду инициации [Saintyves 1923]. Подобная идея вообще присутствует в советской науке 1920–1930-х гг. – можно вспомнить гипотезу о «посвятительных» мотивах в легенде о Тристане и Изольде [Казанский 1932, 135], но особенно – обстоятельный анализ сказочного мотива «дом в лесу», предпринятый С.Я. Лурье [Лурье 1932, 159–194]. В этих статьях – в отличие от «Исторических корней...» – книга Сентива вообще не упоминается (что не исключает возможности ее влияния); у Проппа же критически рассмотрены все три работы, причем наиболее сочувственно – проводившееся параллельно с ним исследование Лурье, на которое автор в своей монографии неоднократно ссылается. При этом нет никаких сомнений в том, что Пропп разработал данную гипотезу несравнимо обстоятельнее, глубже, с привлечением гораздо более широкого материала, чем его предшественники, в том числе Сентив, и много

далее них продвинулся в детализации, аргументированности и технике доказательств [Уорнер 2005, 65–68].

Книга «Исторические корни волшебной сказки» вышла в свет в очень неблагоприятный для советской науки период. Это было время чудовищных политико-идеологических кампаний, разгрома еще сохранявшихся исследовательских школ и направлений, травли ученых – вплоть до их отчисления из университетов и академических институтов, лишения прав на профессиональную деятельность и даже арестов [Кожевников 1997, 26–58; Kojevnikov 1998, 25–52; Graham 1972; 2004]. Не избежала разгрома и монография В.Я. Проппа [Чистов 1981, 62; Путилов 1995, 149; Уорнер 2005, 70–78]. Партийная критика усмотрела в ней «мистицизм», «извращение и фальсификацию истинной картины общественных отношений», ему поставили в упрек обращение к работам «идеалистов» Фрезера и Леви-Брюля, к «буржуазной» финской школе, отсутствие опоры на труды русских «революционно-демократических» публицистов XIX в. Добролюбова и Чернышевского, а также М. Горького, считавшего волшебные сказки воплощением мечты человека о светлом будущем. Ученого обвиняли в том, что он говорил о «социальных низах», тогда как надо было – соответственно определению М. Горького – четко заявить о «трудовых угнетенных массах», о «трудовом народе» [Кузнецов, Дмитраков 1948, 230–239]. Сплошное идеологическое шельмование – в стиле того времени – представляли собой «дискуссии» по поводу книги В.Я. Проппа, организованные руководством Института этнографии АН СССР [Соколова 1948, 139–146; Чичеров 1948, 146–163].

В силу этого подлинное научное обсуждение «Исторических корней» так и не состоялась [Уорнер 2005, 70]. Исключением была только рецензия В.М. Жирмунского – непосредственный отклик на выход книги, успевший появиться до ее разгромной идеологической критики. Дав самую высокую оценку исследованию В.Я. Проппа, автор все же счел преувеличением возведение всех волшебных сказок к обряду инициации. По мнению рецензента, с этим обрядом может быть генетически связана лишь некоторая их часть – прежде всего, сюжеты типа quest (AaTh 550–551) и сюжеты об испытании героя в лесной избушке («дети у людоеда»; AaTh 311, 312, 314, 327) [Жирмунский 1946, 97–103; Чистов 1981, 62]. С подобной оценкой В.М. Жирмунского солидарны многие фольклористы [Мелетинский 2018, 315–316], однако более широкая дискуссия по поводу проблем, поставленных в книге В.Я. Проппа, не возникла – даже десятилетие спустя, когда это стало возможно благодаря «оттепельной» десталинизации идеологического климата. Показательно, что сама монография была переиздана лишь спустя сорок лет после ее опубликования [Пропп 1986]. Произошло это через семнадцать лет после переиздания «Морфологии сказки» (1969) и через десять лет после переиздания отдельным сборником его избранных статей (1976).

Специалистам книга «Исторические корни волшебной сказки», естественно, была известна и, сообразно своим научным интересам, они обра-

щались к ней как к авторитетной работе. Любопытно, что именно данное обстоятельство вызывает особенно сильный протест в «антипропповской» статье Б. Кербелите [Кербелите 2009, 66–82]. Впрочем, автор сосредоточивается скорее на критике частных, чем на центральной концепции книги; были и другие замечания по поводу конкретных интерпретаций фольклорных мотивов и образов (например, «слепота демона», «лесная хозяйка» Баба Яга, сказочный змей [Новиков 1974, 177–179]).

Благожелательному отношению к книге способствовало и то обстоятельство, что именно в данный период (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) в Советском Союзе особое развитие получает сравнительно-историческое изучение фольклорных текстов и традиций в связи с этнографическими материалами [Фольклор и этнография 1977; 1985; 1990; Фольклор и этнографическая действительность 1992; Этнографическое изучение знаковых средств культуры 1989; Этнические стереотипы... 1991; Problems of the European Ethnography and Folklore 1982; Уорнер 2005, 64–65]. Это было плодотворное направление, разрушавшее междисциплинарные перегородки между фольклористикой и этнологией, против чего энергично выступала советская филологическая фольклористика. В конечном счете это сближение способствовало процессу антропологизации фольклористики, наблюдаемому уже в наше время. Книга В.Я. Проппа здесь также сыграла свою роль. Конечно, сопоставления «этнографических фактов» и фольклорных мотивов или сюжетов, как и соответствующие историко-генетические реконструкции, были до Проппа и продолжались помимо «пропповского направления», но мало в какой другой российской / советской работе выявление этнографических параллелей к сказочному сюжету было сделано с такой полнотой, глубиной и последовательностью.

Однако все сказанное, в основном, относится к состоянию научной традиции в СССР. За рубежами страны книга осталась гораздо менее известной и гораздо менее востребованной, хотя она тоже переводилась – на итальянский [Propp 1949], румынский [Propp 1973], испанский [Propp 1974], французский [Propp 1983], японский [Urajimiru Puroppu 1983; 1985; 1988]; на английский переведены только вводная и заключительная главы книги [Propp 1984, 100–123]. Тем не менее итальянский перевод, появившийся почти сразу после выхода книги в СССР и не менее шести раз переиздававшийся [Propp 1972; 1976; 1979; 1985; 1989; 1992], позволил Карло Гинзбургу, правда, несколько позднее, чрезвычайно высоко оценить «Исторические корни...» – «великую книгу, несмотря на ее недостатки», причем именно как часть задуманной автором диалогии: «Отсылка к Гёте (к Гёте-морфологу) дается у Витгенштейна открыто, так же как и в “Морфологии сказки” Проппа, написанной в те же самые годы. Но, в отличие от Витгенштейна, Пропп рассматривал морфологический анализ как инструмент, полезный и для исторического исследования, а не как альтернативу последнему» [Гинзбург 2004, 18]. Впрочем, этот перевод не смог способствовать популяризации книги вне пределов Италии. Малое знакомство с ней сильно повлияло на рецепцию «Морфологии» в мировой науке, при-

чем подобная рецепция по своему характеру не вполне соответствовала исходному сказковедческому замыслу В.Я. Проппа [Уорнер 2005, 15–20].

В этом плане показательна и особенно значительна по своим научным последствиям рецензия Леви-Строса [Levi-Straus 1960; 1976, 115–145; Леви-Стросс 1985, 9–34] и реакция на нее автора «Морфологии сказки», что породило в научной традиции ряд продуктивных рефлексий [Мелетинский 1969; Shishkoff 1976, 271–276; Dundes 1997, 39–50; Murphy].

Леви-Строс в целом высоко оценил труд советского фольклориста, но одновременно высказал ряд принципиальных замечаний и некоторые перспективные предложения. Последовал довольно резкий ответ Проппа [Пропп 1966, 201–227; Пропп 1976 а, 132–152], тональность которого, по-видимому, имеет и языковую, и идеологическую, и культурную причины [Гистер 2019, 155–169]. Во-первых, возникает подозрение, что в некоторых местах Пропп не вполне адекватно интерпретировал текст оппонента; во-вторых, определение «формалист» он воспринял не как обозначение принадлежности к уважаемой научной школе, а как обвинение (след советской «критики формализма» [Erlich 1955; Hansen-Love 1978] – после разгрома формальной школы в 1930-е гг. термин «формализм» в СССР практически становится ругательством [Грибачев 1949]; наконец, в-третьих, о самом Леви-Стросе он имел понятие весьма приблизительное, считая его кабинетным философом-структуралистом и, вероятно, ничего не зная о его широко известных культурно-антропологических, в том числе полевых исследованиях [Lévi-Strauss 1949; 1955 а; 1955 b, 428–444; 1958].

Впрочем, информированность Леви-Строса о трудах Проппа ничуть не выше, что для последующей полемики имеет немалое значение; сыграл тут свою роль и не вполне удачный перевод, передававший идеи Проппа с некоторым упрощением, а то и с искажением [Уорнер 2005, 31–42]. По словам Е.М. Мелетинского, «Леви-Строс понимает свой спор с В.Я. Проппом как спор “структуралиста” с “формалистом”. Ему кажется, что русский ученый отрывает форму от содержания и сказку от мифа, пренебрегает этнографическим контекстом, пытается создать грамматику без лексики, забывая о том, что фольклор как специфический феномен, отличный от других языковых явлений, – это слова слов, одновременно и словарь, и синтаксис, и т.п.» [Мелетинский 1969, 143]. Упрек в пренебрежении этнографическим контекстом и в отрыве формы от содержания можно объяснить только полным незнанием Леви-Строса с работами Проппа 1930-х – начала 1940-х гг. (итальянское издание «Исторических корней волшебной сказки» 1949 г. ему, по-видимому, осталось неизвестным), а причисление Проппа к «формальной школе», прочно укоренившееся в зарубежной науке, является, как было сказано, исторически и методологически ошибочным [Мелетинский 1969, 145; Уорнер 2005, 19–31].

Однако критические суждения Леви-Строса отнюдь не сводятся к вышеописанному недоразумению и имеют гораздо более серьезное основание. Речь идет о принципиально различных подходах к материалу этих

двух исследователей, которые к решению близких проблем шли с противоположных концов (от сказки или от мифа).

Для В.Я. Проппа синтагматический анализ сказки есть введение, с одной стороны, в ее историю, а с другой, в исследование «особой логической структуры сказки, что подготовляло изучение сказки как мифа» [Пропп 1928 а, 7]. Волшебную сказку он называет «мифической» на основании ее мифологического генезиса. Все это не столь далеко от установок Леви-Строса, который видит в сказке «ослабленный» миф и исходит из того, что миф сразу принадлежит к обеим соссюрианским категориям (*langue* и *parole*): как повествование о прошлом он диахроничен и необратим во времени, а как инструмент объяснения настоящего и будущего – синхроничен и обратим во времени [Мелетинский 1969, 140].

Можно сказать, что если для Леви-Строса в целом нерелевантны жанровые различия между мифом и сказкой, как и вообще повествовательный уровень [Мелетинский 1969, 143], то Пропп, напротив, через анализ синтагматической структуры сказки идет к ее исторической парадигматике, к ее ритуально-мифологическим корням.

«Исторические корни волшебной сказки» – именно об этом.

5

Как уже отмечалось [Жербелите 2009], слово *сказка* В.Я. Пропп почти везде употребляет в единственном числе («Морфология сказки», «Исторические корни волшебной сказки», «Русская сказка»), говоря о данном жанровом типе («волшебная сказка») как о некой интегрированной сущности. Это и понятно, автор сам весьма отчетливо поясняет свой подход к материалу: «Историческому объяснению в первую очередь подлежат не отдельные сюжеты, а та композиционная система, к которой они принадлежат. Тогда между сюжетами откроется историческая связь, и этим прокладывается путь к изучению отдельных сюжетов» [Пропп 1976 а, 139]. Таким образом, по мнению Е.М. Мелетинского, сведение всех волшебных сказок к одной – не ошибка Проппа (как полагает Леви-Строс), а условие достижения поставленной цели: «определить специфику сказки, описать и объяснить ее структурное единообразие» [Мелетинский 1969, 143–144].

В этом плане вся методологическая критика концепции Проппа, в сущности, бьет мимо цели. Он изначально с предельной четкостью определяет контуры и принципиальные установки своего исследовательского проекта, в котором ни отдельно взятая сказка, ни отдельно взятый сюжет не являются предметом изучения, все это – лишь материал для дальнейшего анализа. Как бы предвидя сомнение в том, что корпус данных, возможно, недостаточен, а «исключений» не меньше, чем «правильных» случаев [Перетц 1930], Пропп заранее обосновывает критерии своей выборки: 100 текстов из собрания А.Н. Афанасьева (идушие подряд, без изъятий), которые позволяют сделать вывод не только об устойчивости рассматриваемых элементов («функций»), но и об ограниченности их количества. С определенного момента новые «функции» более не обнаруживаются, а

следовательно, после проверки выявленной закономерности на контрольном материале можно ставить точку [Пропп 1969, 27]; исключения же, видимо, следует рассматривать просто как естественную осцилляцию вокруг найденной устойчивой структуры.

Эта структура точнейшим образом определена через высказывание Гёте, приведенное в эпиграфе к главе IX:

Перворастение (Urpflanze) будет удивительнейшим существом в мире. Сама природа будет мне завидовать. С этой моделью и ключом к ней можно будет затем изобретать растения до бесконечности, которые должны быть последовательными, т.е. которые, хотя и не существуют, но могли бы существовать. Они не являются какими-то поэтическими или живописными тенями или иллюзиями, но им присущи внутренняя правда и необходимость. Этот же закон сможет быть применен ко всему живому [Пропп 1969, 83].

Таким образом, искомая структура является не продуктом реконструкции «праформы» или «прототекста», а, напротив, результатом конструирования модели, которая не может иметь никаких реальных воплощений в историческом прошлом, но способна объяснить все потенциальное многообразие форм данной традиции, порождаемых процессом эволюционной морфологии. Все это относится и к книге «Исторические корни волшебной сказки», в которой через широкий этнографический комментарий к опорным элементам данной модели выстраивается ритуально-мифологическая структура, представляющая парадигматический аспект той же модели.

Строго говоря, установки и задачи исследовательского проекта, изначально четко определенные, казалось бы, должны были предупредить и сомнения его наиболее внимательных рецензентов. Так, если В.Н. Перетц по поводу целей Проппа заметил, что грамматика – не субстрат, а абстракция языка и что едва ли можно вывести из описания сказочных функций праформу сказки [Перетц 1930; 2015, 223], то на это можно было бы возразить, что «формула Проппа» отнюдь не есть «праформа» сказки (что прямо оговаривается в тексте книги). Если Леви-Строс усмотрел в «Морфологии...» попытку создать грамматику без лексики (хотя фольклор как специфический феномен, отличный от других языковых явлений, – это слова слов, одновременно и словарь, и синтаксис [Мелетинский 1969, 143–144]), то, как уже было сказано, «словарем» и «лексикой» Пропп занялся в «Исторических корнях», и это его намерение в достаточной мере обозначено уже в тексте «Морфологии сказки».

И, может быть, главное: несмотря на все справедливые претензии (к преувеличенной роли архаических посвячительных обрядов в генезисе повествовательных структур и к произвольности отдельных семантических реконструкций), диалогия Проппа весьма убедительно и наглядно устанавливает структурный изоморфизм, с одной стороны, текста вербального, повествовательно-фольклорного, а с другой – текста акционального, обрядового, причем речь идет именно о широко понимаемых ритуальных

и нарративных моделях, инструментальное применение которых демонстрирует высокую продуктивность и при анализе совсем других традиций, далеких как от волшебной сказки, так и от обряда инициации. В этом плане эвристический потенциал исследовательского проекта Проппа никак нельзя считать исчерпанным. Как отмечают А.К. Байбурин и Г.А. Левинто, «сходство, например, волшебной сказки и инициационного обряда дает основание говорить лишь об описании сказкой ритуала, его перекодировке, т.е. семантическом соотношении, а не о генезисе. Более того, здесь как раз может реализоваться то более широкое типологическое соотношение между текстами и ритуалами разных традиций» [Байбурин, Левинтон 1983, 23].

В синтагматической модели («Морфология») структурные элементы повествования (*функции*) соединяются «по смежности» – как ненарушаемая «горизонтальная» последовательность; не надо, кроме того, забывать, что в «морфологическую формулу» Проппа входит еще и система персонажей, хотя она и менее разработана. В «Исторических корнях» функции «морфологической формулы» обретают эквиваленты в архаической ритуальной традиции и тем самым – глубинную мифологическую семантику («глубинную» – существующую лишь как результат реконструкции). Следует при этом учитывать, что «Исторические корни волшебной сказки» – это, в общем-то, метасюжет, связанный только с обрядом инициации, а «Морфология сказки» охватывает все фабульные типы волшебной сказки.

Морфология сказки	Исторические корни волшебной сказки
<p><i>Отлучка.</i> <i>Запрет и нарушение запрета.</i> <i>Разведка антагониста и выдача ему сведений о герое.</i> <i>Подвох и пособничество.</i> <i>Вредительство (или недостача).</i> <i>Посредничество.</i> <i>Начинающееся противодействие.</i> <i>Отправка.</i></p>	<p><u>Завязка.</u> I. Дети в темнице. – II. Беда и противодействие.</p>
<p><i>Первая функция дарителя и реакция героя.</i></p> <p><i>Получение волшебного средства.</i></p>	<p><u>Таинственный лес.</u> Большой дом. I. Лесное братство. – II. Загробные дарители. – III. Дарители-помощники. Волшебные дары. I. Волшебный помощник. – II. Волшебный предмет.</p>

<p><i>Пространственное перемещение.</i> <i>Борьба (Герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу).</i></p>	<p><u>Переправа.</u> У огненной реки. I. Змей в сказке – II. Змей-поглотитель. – III. Герой в бочке. – IV. Змей-похититель. – V. Водяной змей. – VI. Змей и царство мертвых. <u>За тридевять земель.</u> I. Тридцатое царство в сказке. – II. Тот свет.</p>
<p><i>Клеймение героя.</i> <i>Победа.</i> <i>Ликвидация недостачи.</i> <i>Возвращение героя.</i></p>	<p><u>Невеста.</u> I. <i>Печать царевны.</i> – II. Трудные задачи. – III. Воцарение героя.</p>
<p><i>Преследование и спасение.</i> <i>Неузнанное прибытие.</i> <i>Притязания ложного героя.</i> <i>Трудная задача и решение.</i> <i>Узнавание и обличение.</i> <i>Трансфигурация.</i> <i>Наказание.</i> <i>Свадьба</i></p>	<p>IV. <u>Магическое бегство.</u></p>

Отношения элементов повествовательных и обрядовых (как и самих обеих моделей – нарративной и ритуальной) заслуживают названия «парадигматических» (по Ельмслеву). Эти парадигматические отношения можно использовать для исторического объяснения генезиса волшебной сказки, что Пропп и делает, причем с чрезмерной категоричностью, вызывавшей аргументированные возражения. По Проппу (и другим сторонникам ритуалистической гипотезы), обряд первичен, против чего есть серьезные возражения. По крайней мере, далеко не всякий нарратив восходит к сценарию обряда, многие сюжеты (видимо, большинство) к обрядам явно не восходят.

Однако сегодня подлинное значение этой книги – не в историко-генетических реконструкциях (в каких-то случаях – сомнительных или устаревших), а в установлении широкой эквивалентности между моделями повествовательной и обрядовой, выявление соприродности, если не тождества, самих принципов построения текстов обрядового (акционального) и повествовательного (вербального), что, в частности, прекрасно продемонстрировано совсем на другом материале в работах Е.С. Новик [Новик 2004; 2019]. Иными словами, сценарий обряда (посвятительного, родильного, свадебного, похоронного и др.) выстраивается по тем же законам, что и сценарий фольклорного (и не только фольклорного) нарратива. За этим, вероятно, стоят некие управляющие структуры, организующие и нарратив, и обряд, и игры, и прочие социокультурные практики.

***

Существует понятие: «человек века». Так иногда называют людей, оставивших особенно заметный след в культурной или общественной жизни эпохи. Теперь, когда закончилось подведение итогов ушедшего столетия, можно с полной уверенностью сказать, что в списке крупнейших ученых-гуманитариев XX века, таких как Роман Jakobson или Клод Леви-Строс, стоит и имя Владимира Проппа, которому принадлежит один из первых опытов разработки структурных методов в гуманитарных науках.

Существуют книги-события, книги-открытия – они радикально меняют взгляд науки на ее предмет, выводят из состояния методологического застоя, на десятилетия вперед дают импульс последующим исследованиям. К подобным книгам относится «Морфология сказки», и «человеком века» В.Я. Пропп, несомненно, является прежде всего как автор данной работы.

Это справедливо, однако не надо забывать, что эта книга была прочтена не совсем так, как предполагал автор, а важнейшая для него идея надолго осталась не востребованной, даже не вполне понятой. Книга Проппа – не развитие и углубление «учения о мотиве как об основной единице сказочной тематики» и уж никак не о «классификации мотивов» [Шор 1928]. Это исследование вообще не имело установки на классификацию, что приписывалось и приписывается ему критиками (В.Н. Перетц при обсуждении доклада «Методы сравнительного изучения волшебных сказок» в феврале 1927 г. [Комелина 2015, 216], Б. Кербелите [Кербелите 2015]). Разбор предшествующих сюжетных классификаций, как и концепции *мотива*, в сущности, предпринимается только для последующего выявления природы «сказочной праформы» / «просказки» (от этого спорного термина, который следовало понимать не генетически, а морфологически, что и было отмечено Д.К. Зелениным [Комелина 2015, 207, 213], В.Я. Пропп в окончательной редакции работы отказался).

Инвариантная синтагматическая схема, раскрывшая нам жанровую специфику волшебной сказки (и во многом – конструктивные принципы «повествовательной грамматики» вообще), являлась, по мысли Проппа, основой *эволюционной морфологии*, согласно которой процесс формообразования в фольклорной традиции – от мифа (с его ритуальным компонентом) до сказки – протекает по законам исторических трансформаций (согласно Гёте, «учение о формах есть учение о превращениях» [Пропп 1969, 79]), и тогда данная модель должна обрести уже другой, еще более широкий объяснительный смысл.

Как писал по другому, но близкому поводу Карло Гинзбург, «речь идет о некоем мифологическом ядре, которое на протяжении столетий – а возможно, и тысячелетий – сохраняло свою жизнеспособность. Эта преемственность, которая прослеживается за бесчисленными вариациями, не может быть упрощающе сведена к некоей склонности человеческого духа», что «под видом ответа вновь ставит исходную проблему» (туда же «архетипы» и «коллективное бессознательное») [Гинзбург 2004, 18].

Наконец, в заключение можно привести еще одно небезыңтересное наблюдение:

Теория, выдвинутая В.Я. Проппом, обладает особой притягательностью еще и потому, что только она устанавливает глубокую (кое-кто сказал бы, «на уровне коллективного подсознания») связь между доисторическим мальчиком, по всем правилам древнего ритуала вступающим в пору зрелости, и мальчиком исторически обозримых эпох, с помощью сказки впервые приобщающимся к миру взрослых. В свете теории Проппа тождество, существующее между малышом, который слышит от матери сказку о Мальчике-с-Пальчик, и Мальчиком-с-Пальчик из сказки, имеет не только психологическую основу, но и другую, более глубокую, заложенную в физиологии [Родари 1990, 36].

Не исключено, что и к этому соображению тоже еще стоит вернуться.

СОКРАЩЕНИЯ

1. AaTh – The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC, № 3) / Translated and Enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1981. (Folklore Fellows Communications. № 184).

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. М.: Гослитиздат, 1957–1958.

2. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. 32. 1983. Р. 3–31.

3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Ред., вступ. ст. и прим. В.М. Жирмунского. Л.: Художественная литература, 1940.

4. Веселовский А.Н. Собрание сочинений. Т. 2. Вып. 1. СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской АН, 1913.

5. Гинзбург К. Предисловие к итальянскому изданию // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. С. 10–18.

6. Гистер М. Призрак формализма: Полемика Проппа и Леви-Стросса как коммуникативная неудача // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 4. С. 155–169.

7. Грибачев Н.М. Против космополитизма и формализма в поэзии // Правда. № 47. 16 февраля 1949 г.

8. Дандес А. От этических единиц к эмическим в структурном изучении сказок // Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. Сб. статей. М.: Восточная литература, 2003. С. 14–29.

9. Жирмунский В.М. [рец.:] Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946 // Советская книга. 1947. № 5. С. 97–103.

10. Земцовский И.И. «Do it with Propp!» (Воспоминания из серии «В.Я. Пропп в Америке») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5. С. 70–72.

11. Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.

12. Казанский Б.В. Античные аспекты сюжета Тристана и Исольты // Тристан и Исольты: От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африкации. Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора / под ред. акад. Н.Я. Марра. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 115–135.

13. Кербелите Б. Неосуществленная идея классификации сказок (Заметки о «Морфологии сказки» В.Я. Проппа) // Известные страницы русской фольклористики / отв. ред. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 230–243.

14. Кербелите Б. Поиски обряда в сказках (заметки о книге В.Я. Проппа) // Consortium omnis vitae. Сб. статей к 70-летию профессора Ф.П. Федорова. Daugavpils: Daugavpils universitatis. Akademiskais apgāds “Saule”, 2009. P. 66–82.

15. Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–58.

16. Комелина Н.Г. Доклад В.Я. Проппа «Морфология русской народной сказки» (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н.Г. Комелиной) // Известные страницы русской фольклористики / отв. ред. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 201–215.

17. Костюхин Е.А. Две «Морфологии сказки»: В.Я. Пропп и А.И. Никифоров // Русский фольклор. Т. 30. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1999. С. 302–307.

18. Кузнецов М., Дмитраков И. Против буржуазных традиций в фольклористике (О книге проф. В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки») // Советская этнография. 1948. № 2. С. 230–239.

19. Леви-Стросс К. Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа) // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. Сб. статей / сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. М.: ГРВЛ – Наука, 1985. С. 9–34.

20. Лурье С.Я. Дом в лесу // Язык и литература. Т. 8. Л., 1932. С. 159–194.

21. Маранда П., Кёнгас-Маранда Э. Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. Сб. статей / сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. М.: ГРВЛ – Наука, 1985. С. 194–260.

22. Мартынова А.Н. Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

23. Мартынова А.Н. Из воспоминаний о В.Я. Проппе // Живая старина. 1995. № 3. С. 21–22.

24. Мелетинский Е.М. Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика: Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 2018. С. 315–316.

25. Мелетинский Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: ГРВЛ – Наука, 1969. С. 134–166.

26. Неклюдов С.Ю. У истоков серии: рождение «черепашки» // «У времени в

плону». Памяти Сергея Сергеевича Цельникара. Сб. статей. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 14–23.

27. Никифоров А.И. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // Сб. статей в честь акад. А.И. Соболевского. Л.: Отделение русского языка и словесности АН СССР, 1928. С. 172–178.

28. Новик Е.С. Миф и ритуал народов Сибири. (Избранные статьи). М.: РГГУ, 2019.

29. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Восточная литература РАН, 2004.

30. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974.

31. Орлова Г. Рождение вредителя: отрицательная политическая сакрализация в стране советов (1920-е) // Wiener Slawistischer Almanach. 2003. Bd. 49. S. 309–346.

32. Перетц В.Н. Нова метода вивчати казки // Етнографічний вісник. 1930. № 9. С. 187–195.

33. Перетц В.Н. Рецензия В.Н. Перетца на «Морфологию сказки» В.Я. Проппа (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А.Н. Дмитриева. Перевод с украинского М.Н. Кибальной) // Неизвестные страницы русской фольклористики / отв. ред. А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 216–229.

34. Петренко Д.И., Штайн К.Э. К вопросу о лингвистической палеонтологии культуры // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 552–562.

35. Петровский М.А. Морфология новеллы // Ars Poetica: Сб. статей Б.И. Ярхо, А.М. Пешковского, М.А. Петровского, М.П. Столярова, Р.О. Шор. Сб. 1 / ред. М.А. Петровский. М.: ГАХН, 1927. С. 69–100.

36. Петровский М.А. Морфология пушкинского «Выстрела» // Проблемы поэтики. Сб. ст. / под ред. В.Я. Брюсова. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. С. 171–204.

37. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / отв. ред. И.М. Тронский. Л.: Издательство ЛГУ, 1946.

38. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство ЛГУ, 1986.

39. Пропп В.Я. К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле) // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 128–151.

40. Пропп В.Я. Морфология русской волшебной сказки // Сказочная комиссия в 1926 году. Обзор работ / под ред. С.Ф. Ольденбурга. Л.: Государственное Русское географическое общество, 1927. С. 48–49.

41. (а) Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.

42. (b) Пропп В.Я. Трансформации волшебных сказок // Поэтика: Сборник статей. Вып. 4. Л.: Academia, 1928. С. 70–89.

43. Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: ГРВЛ – Наука, 1969.

44. Пропп В.Я. Мотив чудесного рождения // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 81. Вып. 12. Серия филологических наук. С. 67–97.

45. (а) Пропп В.Я. Мужской дом в русской сказке // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 20. Вып. 1. Серия филологических наук. С. 174–198.

46. (b) Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Не-

смеяне) // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 46. Вып. 3. Серия филологических наук. С. 151–175.

47. Пропп В.Я. Открытая лекция / публ., вступ. и прим. Л.М. Ивлевой // Живая старина. 1995, № 3. С. 11–17.

48. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998.

49. Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: Издательство ЛГУ, 1984.

50. (а) Пропп В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: ГРВЛ – Наука, 1976. С. 132–152.

51. (b) Пропп В.Я. Трансформации волшебных сказок // Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: ГРВЛ – Наука, 1976. С. 153–173.

52. (с) Пропп В.Я. Кумулятивная сказка // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: ГРВЛ – Наука, 1976. С. 241–257.

53. Пропп В.Я. Эдип в свете фольклора // Ученые записки ЛГУ. 1944. № 72. Вып. 9. Серия филологических наук. С. 138–175.

54. Путилов Б.Н. Владимиру Яковлевичу Проппу – 100 лет // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 145–156.

55. Сильман Т.И., Адмони В.Г. Мы вспоминаем: роман. СПб.: Композитор, 1993.

56. Соколова В.К. Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях сектора фольклора Института этнографии // Советская этнография. 1948. № 3. С. 139–146.

57. Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005.

58. Фольклор и этнографическая действительность / под ред. А.К. Байбурина. СПб.: Наука, 1992.

59. Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Сб. научных трудов / под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Наука, 1990.

60. Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами / под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Наука, 1977.

61. Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Сб. научных трудов / под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Наука, 1984.

62. Чистов К.В. В.Я. Пропп: легенды и факты // Советская этнография. 1981. № 6. С. 52–64.

63. Чичеров В. Обсуждение на заседаниях ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов // Советская этнография. 1948. № 3. С. 146–163.

64. Шкловский В. О теории прозы. М.: Федерация, 1929.

65. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Вып. 2. Пг.: Типография З. Соколинского, 1917. С. 3–14.

66. Шор Р. [рец.:] В. Пропп. Морфология сказки. Изд. «Academia». Л., 1928 // Печать и революция. 1928. № 7. С. 192–193.

67. Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. СПб.; Берлин: Издательство З.И. Гржебина, 1922.

68. Этнические стереотипы мужского и женского поведения / под ред.

А.К. Байбурина, И.С. Кона. СПб.: Наука, 1991.

69. Этнические стереотипы поведения / под ред. А.К. Байбурина. Л.: Наука, 1985.

70. Этнографическое изучение знаковых средств культуры / под ред. А.С. Мыльникова. Л.: Наука, 1989.

71. Bascom W. The Myth-Ritual Theory // *Journal of American Folklore*. 1957. Vol. 70. № 276. P. 103–114.

72. Bordwell D. ApPropriations and ImProprieties: Problems in the Morphology of Film Narrative // *Cinema Journal*. 1988. Vol. 27. № 3. P. 5–20.

73. Dundes A. Binary Opposition in Myth: The Propp / Levi-Strauss Debate in Retrospect // *Western Folklore*. 1997. Vol. 56. № 1. P. 39–50.

74. Eckermann J.P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens, 1823–1832. Bd. I–III. Leipzig: Brockhaus Verlag, 1836.

75. Erlich V. Russian Formalism: History, Doctrine. 's Gravenhage: Mouton, 1955.

76. Fell J.L. Vladimir Propp in Hollywood // *Film Quarterly*. 1977. Vol. 30. № 3. P. 19–28.

77. Fischer J.L. The Sociopsychological Analysis of Folklore // *Current Anthropology*. 1963. Vol. 4. № 3. P. 235–296.

78. Graham L.R. Science and Philosophy in the Soviet Union. New York: Alfred A. Knopf, 1972.

79. Graham L.R. Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

80. Hansen-Love A. Der russische Formalismus. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1978.

81. Harriss Ch. Policing Propp: Toward a Textualist Definition of the Procedural Drama // *Journal of Film and Video*. 2008. Vol. 60. № 1. P. 43–59.

82. Hendricks W.O. Folklore and the Structural Analysis of Literary Texts // *Language and Style*. 1970. № 3. P. 83–121.

83. Hyman S.E. The Ritual View of Myth and the Mythic // *Journal of American Folklore*. 1955. Vol. 68. № 270. P. 462–472.

84. Kojevnikov A. Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948 // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57. № 1. P. 25–52.

85. Lesinskis J. Applications of Vladimir Propp's Formalist Paradigm in the Production of Cinematic Narrative. MA thesis. RMIT University. Melbourne, 2010. URL: <https://researchbank.rmit.edu.au/eserv/rmit:7520/Lesinskis.pdf> (дата обращения 01.02.2021).

86. Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale*. Paris: Plon, 1958.

87. Lévi-Strauss C. *Les Structures élémentaires de la parenté*. Paris: Presses Universitaires de France, 1949.

88. (a) Lévi-Strauss C. The Structural Study of Myth // *Journal of American Folklore*. 1955. Vol. 68. № 270. P. 428–444.

89. (b) Lévi-Strauss C. *Tristes tropiques*. Paris: Plon, 1955.

90. Lévi-Strauss C. *Structure and Form: Reflections on a Work by Vladimir Propp* // Lévi-Strauss C. *Structural Anthropology*. Vol. 2. New York: Basic Books, 1976. P. 115–145.

91. Liberman A. Introduction // Propp V. *Theory and History of Folklore* / transl. by A.Y. Martin, R.P. Martin et al. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. P. IX–XXXI.
92. Lüthi M. Vladimir Propp, Morphologie des Marchens // *Zeitschrift für Volkskunde*. 1973. Vol. 69. S. 290–293.
93. Murphy T.P. Vladimir Propp vs Claude Lévi-Strauss: A Critical Note. URL: https://www.academia.edu/30710047/Vladimir_Propp_vs_Claude_L%C3%A9vi-Strauss_A_Critical_Note (дата обращения 01.02.2021).
94. Nathorst B. Formal or Structural Studies of Traditional Tales: The Usefulness of Some Methodological Proposals Advanced by Vladimir Propp, Alan Dundes, Claude Levi-Strauss and Edmund Leach / transl. by Donald Burton. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1969.
95. Nelson V. The Ten Rules of Sitges // *Raritan: A Quarterly Review*. 2006. Vol. 26. № 2. P. 4–23.
96. Problems of the European Ethnography and Folklore. The Second Congress of the International Society for European Ethnology and Folklore. Moscow: Nauka, 1982.
97. Propp V. Historical Roots of the Wondertale // Propp V. *Theory and History of Folklore* / transl. by A.Y. Martin, R.P. Martin et al. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. P. 100–123.
98. Propp V. Las raíces históricas del cuento. Trad. de José Martín Arancibia. Madrid: Ed. Fundamentos, 1974.
99. Propp V.I. Rădăcinile istorice ale basmului fantastic. Traducere de R. Nicolau. Prefață de Nicolae Roșianu. București: Editura Univers, 1973.
100. Propp V.Ja. Le radici storiche dei racconti di fate. Torino: Einaudi, 1949 (= Torino: Boringhieri, 1972; 1976; 1979; 1985; 1989; 1992).
101. Propp V.Ja. Les racines historiques du conte merveilleux. Trad. du russe par Lise Gruel-Apert. Préface de Daniel Fabre et Jean-Claude Schmitt. Paris: Gallimard, 1983.
102. Propp V.Ja. Struttura e storia nello studio della favola // Propp V.Ja. *Morfologia della fiaba*. Con un intervento di Claude Levi-Strauss e una replica dell'autore. A cura di Gian Luigi Bravo. Torino: Einaudi, 1966. P. 201–227.
103. Saintyves P. Les Contes de Perrault et les récits parallèles. Paris: Émile Nourry, 1923.
104. Shishkoff S. The Structure of Fairytales: Propp VS Levi-Straus // *Dispositio*. 1976. № 3. P. 271–276.
105. Sorlin I. Aux origines de l'étude typologique et historique du folklore: l'Institut de linguistique de N.Ja. Marr et le jeune Propp. Regards sur l'anthropologie Soviétique // *Cahiers du monde Russe et Soviétique*. 1990. Vol. 31. № 2–3. P. 275–284.
106. Urajimiru Puoppu. Mahō mukashi-banashi-no kigen. Transl. by Saitō Kimiko. Tokyo: Serika shobō, 1983 (=1985, 1988).

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Bascom W. The Myth-Ritual Theory. *Journal of American Folklore*, 1957, vol. 70, no. 276, pp. 103–114. (In English).

2. Bayburin A.K., Levinton G.A. O sootnoshenii fol'klornykh i etnograficheskikh faktov [On the Correlation of Folklore and Ethnographic Facts]. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1983, vol. 32, pp. 3–31. (In Russian).

3. Bordwell D. ApPropriations and ImProprieties: Problems in the Morphology of Film Narrative. *Cinema Journal*, 1988, vol. 27, no. 3, pp. 5–20. (In English).

4. Chicherov V. Obsuzhdeniye na zasedaniyakh uchenogo soveta Instituta etnografii osnovnykh nedostatkov i zadach raboty sovetskikh fol'kloristov [The Discussion at the Meetings of the Academic Council of the Institute of Ethnography of the Main Shortcomings and Tasks of the Soviet Folklorists' Work]. *Sovetskaya etnografiya*, 1948, no. 3, pp. 146–163. (In Russian).

5. Chistov K.V. V.Ya. Propp: legendy i fakty [V.Ya. Propp: Legends and Facts]. *Sovetskaya etnografiya*, 1981, no. 6, pp. 52–64. (In Russian).

6. Dundes A. Binary Opposition in Myth: The Propp / Levi-Strauss Debate in Retrospect. *Western Folklore*, 1997, vol. 56, no. 1, pp. 39–50. (In English).

7. Fell J.L. Vladimir Propp in Hollywood. *Film Quarterly*, 1977, vol. 30, no. 3, pp. 19–28. (In English).

8. Fischer J.L. The Sociopsychological Analysis of Folklore. *Current Anthropology*, 1963, vol. 4, no. 3, pp. 235–296. (In English).

9. Gister M. Prizrak formalizma: Polemika Proppa i Levi-Strossa kak kommunikativnaya neudacha [The Ghost of Formalism: The Propp and Levi-Strauss Polemic as a Communicative Failure]. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*, 2019, vol. 2, no. 4, pp. 155–169. (In Russian).

10. Harriss Ch. Policing Propp: Toward a Textualist Definition of the Procedural Drama. *Journal of Film and Video*, 2008, vol. 60, no 1, pp. 43–59. (In English).

11. Hendricks W.O. Folklore and the Structural Analysis of Literary Texts. *Language and Style*, 1970, no. 3, pp. 83–121. (In English).

12. Hyman S.E. The Ritual View of Myth and the Mythic. *Journal of American Folklore*, 1955, vol. 68, no. 270, pp. 462–472. (In English).

13. Kojevnikov A. Rituals of Stalinist Culture at Work: Science and the Games of Intraparty Democracy circa 1948. *The Russian Review*, 1998, vol. 57, no 1, pp. 25–52. (In English).

14. Kozhevnikov A.B. Igry stalinskoy demokratii i ideologicheskiye diskussii v sovet-skoy nauke: 1947–1952 gg. [The Games of Stalinist Democracy and Ideological Discussions in the Soviet Science: 1947–1952]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1997, no. 4, pp. 26–58. (In Russian).

15. Kuznetsov M., Dmitrakov I. Protiv burzhuaznykh traditsiy v fol'kloristike (O knige prof. V.Ya. Proppa “Istoricheskiye korni volshebnoy skazki”) [Against Bourgeois Traditions in Folklore Studies (About the Book by Prof. V.Ya. Propp “The Historical Roots of Fairytale”)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1948, no. 2, pp. 230–239. (In Russian).

16. (a) Lévi-Strauss C. The Structural Study of Myth. *Journal of American Folklore*, 1955, vol. 68, no. 270, pp. 428–444. (In English).

17. Lüthi M. Vladimir Propp, Morphologie des Marchen. *Zeitschrift für Volkskunde*, 1973, vol. 69, pp. 290–293. (In German).

18. Martynova A.N. Iz vospominaniy o V.Ya. Proppe [From the Memoirs about V.Ya. Propp]. *Zhivaya starina*, 1995, no. 3, pp. 21–22. (In Russian).

19. Nelson V. The Ten Rules of Sitges. *Raritan: A Quarterly Review*, 2006, vol. 26, no. 2, pp. 4–23. (In English).

20. Orlova G. Rozhdeniye vreditelya: otritsatel'naya politicheskaya sakralizatsiya v strane sovetov (1920-e) [The Birth of a Pest: Negative Political Sacralisation in the Country of the Soviets (1920s)]. *Wiener Slawistischer Almanach*, 2003, Bd. 49, pp. 309–346. (In Russian).

21. Peretts V.N. Nova metoda vivchati kazki [A New Method for Learning Fairy Tales]. *Etnografichnyi visnik*, 1930, no. 9, pp. 187–195. (In Ukrainian).

22. Petrenko D.I., Shtayn K.E. K voprosu o lingvisticheskoy paleontologii kul'tury [On the Issue of Linguistic Paleontology of Culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2017, vol. 7, no. 3A, pp. 552–562. (In Russian).

23. (a) Propp V.Ya. Muzhskoy dom v russkoy skazke [Men's House in a Russian Fairytale]. *Uchenyye zapiski LGU*, 1939, no. 20, issue 1, pp. 174–198. (In Russian).

24. (b) Propp V.Ya. Ritual'nyy smekh v fol'klora (po povodu skazki o Nesmeyane) [Ritual Laughter in Folklore (on the Tale of Nesmeyana)]. *Uchenyye zapiski LGU*, 1939, no. 46, issue 3, pp. 151–175. (In Russian).

25. Propp V.Ya. (author), Ivleva L.M. (publ., pref. and notes). Otkrytaya lektsiya [Open Lecture]. *Zhivaya starina*, 1995, no. 3, pp. 11–17. (In Russian).

26. Propp V.Ya. Edip v svete fol'klora [Oedipus in the Light of Folklore]. *Uchenyye zapiski LGU*, 1944, no. 72, issue 9, pp. 138–175. (In Russian).

27. Propp V.Ya. K voprosu o proiskhozhdenii volshebnoy skazki (Volshebnoye derevo na mogile) [On the Issue of the Origin of the Fairytale (The Magic Tree on the Grave)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1934, no. 1–2, pp. 128–151. (In Russian).

28. Propp V.Ya. Motiv chudesnogo rozhdeniya [The Motif of the Miraculous Birth]. *Uchenyye zapiski LGU*, 1941, no. 81, issue 12, pp. 67–97. (In Russian).

29. Putilov B.N. Vladimiru Yakovlevichu Proppu – 100 let [Vladimir Yakovlevich Propp – 100 Years Old]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 1995, no. 6, pp. 145–156. (In Russian).

30. Shishkoff S. The Structure of Fairytales: Propp VS Levi-Straus. *Dispositio*, 1976, no. 3, pp. 271–276. (In English).

31. Shor R. V. Propp. Morfologiya skazki. Izd. "Academia". L., 1928 [Book Review: Propp V. Morphology of Fairytale. Leningrad, Academia Publ, 1928]. *Pechat' i revolyutsiya*, 1928, no. 7, pp. 192–193. (In Russian).

32. Sokolova V.K. Diskussii po voprosam fol'kloristiki na zasedaniyakh sektora fol'klora Instituta etnografii [The Discussions on Folklore Studies at the Meetings of the Folklore Sector of the Institute of Ethnography]. *Sovetskaya etnografiya*, 1948, no. 3, pp. 139–146. (In Russian).

33. Sorlin I. Aux origines de l'élude typologique et historique du folklore: l'Institut de linguistique de N.Ja. Marr et le jeune Propp. Regards sur l'anthropologie Soviétique. *Cahiers du monde Russe et Soviétique*, 1990, vol. 31, no. 2–3, pp. 275–284. (In French).

34. Zemtsovskiy I.I. "Do it with Propp!" (Vospominaniya iz serii "V.Ya. Propp v Amerike") ["Do It with Propp!" (Memoirs from the Series "V.Ya. Propp in America")]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 5, pp. 70–72. (In Russian).

35. Zhirmunskiy V.M. Propp V.Ya. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki. L.: Izd-

vo LGU, 1946 [Book Review: Propp V.Ya. The Historical Roots of Fairytale. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1946]. *Sovetskaya kniga*, 1947, no. 5, pp. 97–103. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

36. Bayburin A.K. (ed.). *Etnicheskiye stereotipy povedeniya* [Ethnic Patterns of Behavior]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. (In Russian).

37. Bayburin A.K. (ed.). *Fol'klor i etnograficheskaya deystvitel'nost'* [Folklore and Ethnographic Reality]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. (In Russian).

38. Bayburin A.K., Kon I.S. (eds.). *Etnicheskiye stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. (In Russian).

39. Dundes A. Ot eticheskikh edinitz k emicheskim v strukturnom izuchenii skazok [From Ethic to Emic Units in the Structural Study of Fairytales]. *Dundes A. Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz. Sb. statey* [Folklore: Semiotics and/or Psychoanalysis. Collection of Articles]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2003, pp. 14–29. (In Russian).

40. Ginzburg K. Predisloviye k ital'yanskomu izdaniyu [A Preface to the Italian Edition]. *Ginzburg K. Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths – Emblems – Signs: Morphology and History]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2004, pp. 10–18. (In Russian).

41. Kazanskiy B.V. Antichnyye aspekty syuzheta Tristana i Isol'dy [The Ancient Aspects of the Plot of Tristan and Isolde]. *Marr N.Ya. (ed.). Tristan i Isol'da: Ot geroini lyubvi feodal'noy Evropy do bogini matriarkhal'noy Afrevrazii. Kollektivnyy trud Sektora semantiki mifa i fol'klora* [Tristan and Isolde: From the Heroine of Love in Feudal Europe to the Goddess of Matriarchal Afrevasia. Collective Works of the Sector of Semantics of Myth and Folklore]. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1932, pp. 115–135. (In Russian).

42. Kerbelite B. Neosushchestvlyennaya ideya klassifikatsii skazok (Zametki o “Morfologii skazki” V.Ya. Proppa) [The Unfulfilled Idea of Fairytale Classification (Notes on V.Ya. Propp's “Morphology of Fairytale”)]. *Toporkov A.L. (ed.). Neizvestnyye stranitsy russkoy fol'kloristiki* [Unknown Pages of Russian Folklore Studies]. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 230–243. (In Russian).

43. Kerbelite B. Poiski obryada v skazkakh (zametki o knige V.Ya. Proppa) [The Search for the Rite in Fairytales (Notes on the Book by V.Ya. Propp)]. *Consortium omnis vitae. Sb. statey k 70-letiyu professora F.P. Fedorova* [Consortium Omnis Vitae. Collection of Articles for the 70th Anniversary of Professor F.P. Fedorov]. Daugavpils: Daugavpils universitatis. Akademiskais apgâds “Saule” Publ., 2009, pp. 66–82. (In Russian).

44. Komelina N.G. (publ., pref.), Propp V.Ya. (author). Doklad V.Ya. Proppa “Morfologiya russkoy narodnoy skazki” [V.Ya. Propp's Report “Morphology of the Russian Folk Tale”]. *Toporkov A.L. (ed.). Neizvestnyye stranitsy russkoy fol'kloristiki* [Unknown Pages of Russian Folklore Studies]. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 201–215. (In Russian).

45. Kostyukhin E.A. Dve “Morfologii skazki”: V.Ya. Propp i A.I. Nikiforov [Two “Morphologies of Fairytales”: V.Ya. Propp and A.I. Nikiforov]. *Russkiy fol'klor. T. 30. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Vol. 30. Materials and Research]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 302–307. (In Russian).

46. Levi-Strauss C. Structure and Form: Reflections on a Work by Vladimir Propp. *Levi-Strauss C. Structural Anthropology. Vol. 2.* New York, Basic Books Publ., 1976, pp. 115–145. (In English).

47. Levi-Strauss C. Struktura i forma (Razmyshleniya nad odnoy rabotoy Vladimira Proppa) [Structure and Form (Reflections on a Work by Vladimir Propp)]. *Meletinskiy E.M., Neklyudov S.Yu. (comp.). Zarubezhnyye issledovaniya po semiotike fol'klora. Sb. Statey* [Foreign Studies on the Semiotics of Folklore. Collection of Articles]. Moscow, GRVL – Nauka Publ., 1985, pp. 9–34. (In Russian).

48. Liberman A. Introduction. *Propp V. Theory and History of Folklore.* Transl. by A.Y. Martin, R.P. Martin et al. Minneapolis, University of Minnesota Press Publ., 1984, pp. IX–XXXI. (In English).

49. Lur'ye S.Ya. Dom v lesu [A House in the Woods]. *Yazyk i literature* [Language and Literature]. Vol. 8. Leningrad, 1932, pp. 159–194. (In Russian).

50. Maranda P., Köngäs-Maranda E. Strukturnyye modeli v fol'klоре [Structural Patterns in Folklore]. *Meletinskiy E.M., Neklyudov S.Yu. (comp.). Zarubezhnyye issledovaniya po semiotike fol'klora. Sb. Statey* [Foreign Studies in the Semiotics of Folklore. Collection of Articles]. Moscow, GRVL – Nauka Publ., 1985, pp. 194–260. (In Russian).

51. Meletinskiy E.M. Strukturno-tipologicheskoye izucheniye skazki [Structural and Typological Study of Fairytales]. *Propp V.Ya. Morfologiya skazki* [Morphology of Fairytale]. Moscow, GRVL – Nauka Publ., 1969, pp. 134–166. (In Russian).

52. Meletinskiy E.M. Zhenit'ba v volshebnoy skazke (eye funktsiya i mesto v syuzhetnoy strukture) [Marriage in a Fairy tale (its Function and Place in the Plot Structure)]. *Meletinskiy E.M. Mif i istoricheskaya poetika: Izbrannyye stat'i. Vospominaniya* [Myth and Historical Poetics: Selected Articles. Memories.]. Moscow, RSUH Publ., 2018, pp. 315–316. (In Russian).

53. Myl'nikov A.S. (ed.). *Etnograficheskoye izucheniye znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic Study of Symbolic Means of Culture]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. (In Russian).

54. Neklyudov S.Yu. U istokov serii: rozhdeniye “cherepashki” [At the Origins of the Series: the Birth of the “Turtle”]. “U vremeni v plenu”. *Pamyati Sergeya Sergeyevidcha Tsel'nikera. Sb. Statey* [“In the Thrall of Time”. In Memory of Sergei Sergeyevidch Tselniker. Collection of Articles]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2000, pp. 14–23. (In Russian).

55. Nikiforov A.I. K voprosu o morfologicheskom izuchenii narodnoy skazki [On the Issue of the Morphological Study of a Folk Tale]. *Sb. statey v chest' akad. A.I. Sobolevskogo* [Collection of Articles in Honor of Academician A.I. Sobolevsky]. Leningrad, Otdeleniye russkogo yazyka i slovesnosti AN SSSR Publ., 1928, pp. 172–178. (In Russian).

56. Peretts V.N. (author), Kibal'naya M.N. (publ., pref.). Retsenziya V.N. Perettsa na “Morfologiyu skazki” V.Ya. Proppa [V.N. Peretts's Review of “Morphology of Fai-

rytale” by V.Ya. Propp]. *Toporkov A.L. (ed.). Neizvestnyye stranitsy russkoy fol'kloristiki* [Unknown Pages of Russian Folklore Studies]. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 216–229. (In Russian).

57. Petrovskiy M.A. Morfologiya novelly [The Morphology of Story]. *Petrovskiy M.A. (ed.). Ars Poetica: Sb. statey B.I. Yarkho, A.M. Peshkovskogo, M.A. Petrovskogo, M.P. Stolyarova, R.O. Shor. Sb. 1* [Ars Poetica: Collection of Articles by B.I. Yarkho, A.M. Peshkovsky, M.A. Petrovsky, M.P. Stolyarov, R.O. Shor. Book 1]. Moscow, GAKhN Publ., 1927, pp. 69–100. (In Russian).

58. Petrovskiy M.A. Morfologiya pushkinskogo “Vystrela” [The Morphology of Pushkin’s “The Shot”]. *Bryusov V.Ya. (ed.). Problemy poetiki. Sb. st.* [Problems of Poetics. Collection of Articles]. Moscow – Leningrad, Zemlya i fabrika Publ., 1925, pp. 171–204. (In Russian).

59. *Problems of the European Ethnography and Folklore. The Second Congress of the International Society for European Ethnology and Folklore.* Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russian and English).

60. (a) Propp V.Ya. Strukturnoye i istoricheskoye izucheniye volshebnoy skazki [Structural and Historical Studies of Fairytales]. *Propp V.Ya. Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannyye stat'i* [Folklore and Reality. Selected Articles]. Moscow, GRVL – Nauka Publ., 1976, pp. 132–152. (In Russian).

61. (b) Propp V.Ya. Transformatsii volshebnykh skazok [The Transformations of Fairytales]. *Propp V.Ya. Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannyye stat'i* [Folklore and Reality. Selected Articles]. Moscow, GRVL – Nauka Publ., 1976, pp. 153–173. (In Russian).

62. (c) Propp V.Ya. Kumulyativnaya skazka [Cumulative Fairytale]. *Propp V.Ya. Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannyye stat'i* [Folklore and Reality. Selected Articles]. Moscow, GRVL – Nauka Publ., 1976, pp. 241–257. (In Russian).

63. Propp V. Historical Roots of the Wondertale. *Propp V. Theory and History of Folklore.* Transl. by A.Y. Martin, R.P. Martin et al. Minneapolis, University of Minnesota Press Publ., 1984, pp. 100–123. (Translated from Russian into English).

64. Propp V.Ya. Morfologiya russkoy volshebnoy skazki [Morphology of the Russian Fairytale]. *Ol'denburg S.F. (ed.). Skazochnaya komissiya v 1926 godu. Obzor rabot* [The Fairytale Committee in 1926. Overview of Works]. Leningrad, Gosudarstvennoye Russkoye geograficheskoye obshchestvo Publ., 1927, pp. 48–49. (In Russian).

65. (b) Propp V.Ya. Transformatsii volshebnykh skazok [The Transformations of Fairytales]. *Poetika: Sbornik statey* [Poetics: A Collection of Articles]. Issue 4. Leningrad, Academia Publ., 1928, pp. 70–89. (In Russian).

66. Propp V.Ja. Struttura e storia nello studio della favola. *Propp V.Ja. Morfologia della fiaba.* Con un intervento di Claude Levi-Strauss e una replica dell'autore. A cura di Gian Luigi Bravo. Torino, Einaudi Publ., 1966, pp. 201–227. (Translated from Russian into Italian).

67. Putilov B.N. (ed.). *Fol'klor i etnografiya: Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury. Sb. nauchnykh trudov* [Folklore and Ethnography: Issues of Reconstruction of the Facts of Traditional Culture. Collection of Scientific Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. (In Russian).

68. Putilov B.N. (ed.). *Fol'klor i etnografiya: Svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami* [Folklore and Ethnography: Connections of Folklore with

Ancient Beliefs and Rituals]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. (In Russian).

69. Putilov B.N. (ed.). *Fol'klor i etnografiya: U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov. Sb. nauchnykh trudov* [Folklore and Ethnography: At the Ethnographic Origins of Folklore Plots and Images. Collection of Scientific Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. (In Russian).

70. Shklovskiy V.B. *Iskusstvo kak priyem* [Art as a Technique]. *Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Collections on the Theory of Poetic Language.]. Issue 2. Petrograd, Tipografiya Z. Sokolinskogo Publ., 1917, pp. 3–14. (In Russian).

(Monographs)

71. Erlich V. *Russian Formalism: History, Doctrine*. 's Gravenhage, Mouton Publ., 1955. (In English).

72. Eykhenbaum B. *Molodoy Tolstoy* [Young Tolstoy]. St. Petersburg; Berlin, Izdatel'stvo Z.I. Grzhechina Publ., 1922. (In Russian).

73. Graham L.R. *Science and Philosophy in the Soviet Union*. New York, Alfred A. Knopf Publ., 1972. (In English).

74. Graham L.R. *Science in Russia and the Soviet Union. A Short History*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2004. (In English).

75. Hansen-Love A. *Der russische Formalismus*. Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften Verlag, 1978. (In German).

76. Ivanova T.G. *Istoriya russkoy fol'kloristiki XX veka: 1900 – pervaya polovina 1941 g.* [The History of Russian Folklore Studies of the 20th Century: 1900 – the First Half of 1941]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2009. (In Russian).

77. Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale*. Paris, Plon Publ., 1958. (In French).

78. Lévi-Strauss C. *Les Structures élémentaires de la parenté*. Paris, Presses Universitaires de France Publ., 1949. (In French).

79. (b) Lévi-Strauss C. *Tristes tropiques*. Paris, Plon Publ., 1955. (In French).

80. Martynova A.N. *Vladimir Yakovlevich Propp: Zhiznenny put'*. *Nauchnaya deyatel'nost'* [Vladimir Yakovlevich Propp: The Way of Life. Scientific Activity]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2006. (In Russian).

81. Nathorst B. *Formal or Structural Studies of Traditional Tales: The Usefulness of Some Methodological Proposals Advanced by Vladimir Propp, Alan Dundes, Claude Lévi-Strauss and Edmund Leach*. Transl. by Donald Burton. Stockholm, Almqvist & Wiksell Publ., 1969. (In English).

82. Novik E.S. *Mif i ritual narodov Sibiri* (Izbrannyye stat'i) [The Myth and Ritual of the Peoples of Siberia (Selected Articles)]. Moscow, RSUH Publ., 2019. (In Russian).

83. Novik E.S. *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavleniya struktur* [Ritual and Folklore in Siberian Shamanism: An Experience in Mapping Structures]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2004. (In Russian).

84. Novikov N.V. *Obrazy vostochnoslavyanskoy volshebnoy skazki* [The Images of an East Slavic Fairytale]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. (In Russian).

85. Propp V. *Las raíces históricas del cuento*. Trad. de José Martín Arancibia. Madrid, Ed. Fundamentos Publ., 1974. (Translated from Russian into Spanish).

86. Propp V.I. *Rădăcinile istorice ale basmului fantastic*. Traducere de R. Nicolau.

Prefață de Nicolae Roșianu. București, Editura Univers Publ., 1973. (Translated from Russian into Romanian).

87. Propp V.Ja. *Le radici storiche dei racconti di fate*. Torino: Einaudi Publ., 1949 (= Torino, Boringhieri Publ., 1972; 1976; 1979; 1985; 1989; 1992). (Translated from Russian into Italian).

88. Propp V.Ja. *Les racines historiques du conte merveilleux*. Trad. du russe par Lise Gruel-Apert. Préface de Daniel Fabre et Jean-Claude Schmitt. Paris, Gallimard Publ., 1983. (Translated from Russian into French).

89. Propp V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of Fairytale]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1946. (In Russian).

90. Propp V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of Fairytale]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1986. (In Russian).

91. (a) Propp V.Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a Fairytale]. Leningrad, Academia Publ., 1928. (In Russian).

92. Propp V.Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a Fairytale]. Moscow, GRVL – Nauka Publ., 1969. (In Russian).

93. Propp V.Ya. *Poetika fol'klora* [Poetics of Folklore]. Moscow, Labirint Publ., 1998. (In Russian).

94. Propp V.Ya. *Russkaya skazka* [Russian Fairytale]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1984. (In Russian).

95. Saintyves P. *Les Contes de Perrault et les récits parallèles*. Paris, Émile Nourry Publ., 1923. (In French).

96. Shklovskiy V. *O teorii prozy* [About the Theory of Prose]. Moscow, Federatsiya Publ., 1929. (In Russian).

97. Urajimiru Puroppu. *Mahō mukashi-banashi-no kigen*. Transl. by Saitō Kimiko. Tokyo, Serika shobō Publ., 1983 (=1985, 1988). (Translated from Russian into Japanese).

98. Veselovskiy A.N. (author), Zhirmunskiy V.M. (ed., pref.). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ., 1940. (In Russian).

99. Veselovskiy A.N. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Issue 1. St. Petersburg, Otdeleniye russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy AN Publ., 1913. (In Russian).

100. Warner E. *Vladimir Yakovlevich Propp i russkaya fol'kloristika* [Vladimir Yakovlevich Propp and Russian Folklore Studies]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2005. (Translated from English into Russian).

(Electronic Resources)

101. Lesinskis J. *Applications of Vladimir Propp's Formalist Paradigm in the Production of Cinematic Narrative*. MA thesis. RMIT University. Melbourne, 2010. Available at: <http://researchbank.rmit.edu.au/eserv/rmit:7520/Lesinskis.pdf> (accessed 01.02.2021). (In English).

102. Murphy T.P. *Vladimir Propp vs Claude Lévi-Strauss: A Critical Note*. Available at: https://www.academia.edu/30710047/Vladimir_Propp_vs_Claude_L%C3%A9vi-

Strauss_A_Critical_Note (accessed 01.02.2021). (In English).

Неклюдов Сергей Юрьевич, Российский государственный гуманитарный университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Доктор филологических наук, профессор, специалист в области фольклористики и востоковедения.

E-mail: sergey.nekludov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1666-3434

Sergei Yu. Neklyudov, Russian State University for the Humanities; Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration.

Doctor of Philology, Professor, specialist in the Folklore and Oriental Studies.

E-mail: sergey.nekludov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1666-3434